

На правах рукописи

ГРИГОРЬЕВА КРИСТИНА АЛЕКСАНДРОВНА

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ ДЖ. М. КУТЗЕЕ:
ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ**

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2014

Работа выполнена на кафедре зарубежной литературы и журналистики Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета им.Н.Г. Чернышевского

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент

Кабанова Ирина Валерьевна

Официальные оппоненты: **Анцыферова Ольга Юрьевна,**

доктор филологических наук, профессор

Ивановский государственный университет,

зав. кафедрой зарубежной литературы

Муратова Ярослава Юрьевна,

кандидат филологических наук,

Литературный институт им. А.М. Горького,

старший преподаватель кафедры иностранных языков

Ведущая организация: **Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина**

Защита состоится «24» апреля 2014 года в ____ часов на заседании диссертационного совета Д.501.001.25 при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: ГСП-1, 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Автореферат разослан « ____ » _____ 2014 года

Ученый секретарь

диссертационного совета,

кандидат филологических наук, доцент

Сергеев А.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая диссертация посвящена комплексному анализу автобиографической трилогии выдающегося англоязычного писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе Дж.М. Кутзее «Детство», «Юность», «Летняя пора» (1997 – 2009) в аспекте ее жанрового и художественного своеобразия.

Джон Максвелл Кутзее (род. в 1940 г., Кейптаун, ЮАС) – один из крупнейших романистов XX-XXI вв., представляющий постколониальную британскую литературу, автор 12 романов, 5 сборников критических и публицистических эссе и трех автобиографических книг, которые являются единственным циклом в прозе писателя. В зарубежной критике романы Дж.М. Кутзее являются объектом пристального внимания исследователей на протяжении уже почти сорока лет, в течение которых произведения автора рассматривались в рамках постколониализма, постфрейдизма и постмодернизма, с постепенным смещением интереса в сторону изучения нравственно-философского начала творчества писателя, эстетики его романов. Автобиографическая трилогия в силу ее относительной новизны пока не получила столь же глубокого осмысления в критике, как классические романы Дж.М.Кутзее.

Актуальность диссертации состоит в обращении к теоретической проблеме синтеза документального и художественного в (авто)биографическом письме, которая активно разрабатывается сегодня с позиций не только литературоведения, но психологии, антропологии, культурологии. Кроме того, это первая попытка комплексной характеристики произведения крупнейшего современного писателя, к изучению творчества которого наша англистика только приступает¹; автобиографизм трилогии способствует раскрытию своеобразия творческой личности автора, что важно на настоящем этапе изучения творчества Кутзее.

¹ Анцыферова, О.Ю. Слово-пастиш в робинзонаде Джона Кутзее // Художественное слово в пространстве культуры: Функции и трансформации: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. С. 149-158; Анцыферова, О.Ю. Университетский роман Дж.М. Кутзее: постколониальная модификация жанра // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. 2009. № 1. С. 72-78; Павлова, О.А. Категории «История» и «Память» в контексте постколониального дискурса. (На примере творчества Дж.М. Кутзее и К. Исигуро). Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 2012. Лингвостилистический подход к творчеству Кутзее см. в: Константинова, Н.В. Лингвостилистические особенности прозы Дж.М. Кутзее: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2009.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые предлагается целостный анализ пока единственного у Кутзее прозаического цикла. Автобиографический материал этой прозы дает возможность по-новому взглянуть на сложный художественный мир писателя благодаря уточнению характеристик образа автора. Использование современной теории позволяет раскрыть меру новаторства писателя в эксперименте с жанрами автобиографии, биографии и романа.

Основная цель работы – раскрыть жанровое и идейно-художественное своеобразие трилогии Дж.М. Кутзее «Детство», «Юность», «Летняя пора» с точки зрения современной теории (авто)биографического письма.

Поставленной целью определяются **задачи** исследования:

- последовательно охарактеризовать каждую часть трилогии с точки зрения особенностей жанрового синтеза в ней и выявить направленность художественного поиска автора;
- выявить эволюцию соотношения образа автора и образа главного героя в трилогии;
- через анализ автобиографической прозы дать портрет творческой личности Дж.М. Кутзее.

Методология исследования определяется его задачами. Основным методом является жанровый анализ, то есть анализ с точки зрения соответствия произведения жанровой формуле, принятой в теории литературы, и отступлений от этой формулы. Теоретический подход к жанру автобиографии или, в отечественной традиции, к мемуарно-автобиографической прозе, базируется на работах Ж. Гюсдорфа, Ф. Лежёна, Дж. Олни, Э. Брюсс, П. Икина, Г.Г. Елизаветиной, Л.Б. Караевой и др.² В силу природы материала используются также биографический метод (Г.О. Винокур,

² Gusdorf, G. Conditions and Limits of Autobiography (1956) // Autobiography: Essays Theoretical and Critical/ Ed. by James Olney. Princeton, Guildford: Princeton University Press, 1980; Lejeune, Ph. On Autobiography// Ed. by Paul John Eakin. Transl. by Katherine Leary. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989; Olney, J. Metaphors of Self: The Meaning of Autobiography. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1972; Bruss, E. Autobiographical Acts: The Changing Situation of a Literary Genre. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1976; Eakin, P. J. Fictions of Autobiography: Studies in the Art of Self-Invention. Princeton, Guildford: Princeton University Press, 1986; Елизаветина, Г.Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М.: Наука, 1982. С. 235-262. Караева, Л.Б. Английская литературная автобиография: Трансформация жанра в XX веке. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т.), 2009.

Ю.М. Лотман, Дж. Бэчелор и др.³), элементы психоанализа (З.Фрейд), историко-культурный метод для реконструкции социально-политического и культурного фона произведений.

Материал исследования в диссертации составляют автобиографическая трилогия «Детство» (“Boyhood: Scenes from Provincial Life”, 1997), «Юность» (“Youth: Scenes from Provincial Life II”, 2002), «Летняя пора» (“Summertime”, 2009), упоминаемые в трилогии романы писателя.

Источниками исследования являются изданная проза Дж.М. Кутзее (романы, автобиографическая трилогия, эссеистика и интервью), монографии и статьи по творчеству писателя, критические рецензии в прессе на книги трилогии, а также теоретические работы по истории и теории (авто)биографической прозы, постколониальной и жанровой теории.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Автобиографическая по авторской интенции, трилогия Дж.М. Кутзее в каждой своей части представляет отдельный этап внутренне последовательного авторского эксперимента с формами автобиографического письма.

2. Формы жанрового эксперимента усложняются от произведения к произведению: «Детство» представляет собой деконструкцию традиционной автобиографии детского возраста, «Юность» – синтез черт постколониальной автобиографии и автобиографии художника в юности, «Летняя пора» сплавляет черты биографии и автобиографической формы дневника. Все три произведения используют полный набор повествовательных приемов романа.

3. Усложнение жанровых форм отражает углубление психологического анализа образа главного героя трилогии и изменения в отношении к нему автора, нарастание дистанции между его прошлым «я» и «я» в настоящем.

4. Автобиографическая трилогия Дж.М. Кутзее подтверждает его репутацию самого закрытого романиста современности, поскольку преследует цель воплощения психологической и эстетической правды личности ее создателя и лишь в самых общих чертах следует биографическим фактам его жизни.

³ Винокур, Г.О. Биография и культура. М.: ГАХН, 1927; Лотман, Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте. (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Ю.М. Лотман. Избранные статьи: В 3-х т. Таллинн: Александра, 1992; Т.1. С. 365-376; Batchelor, J. Introduction // The Art of Literary Biography/ Ed. by John Batchelor. Oxford: Clarendon Press, 1995.

5. Сквозными темами трилогии являются:

- внутренне конфликтное отношение писателя к его родине, ныне ЮАР, проецирующееся на родительскую семью, на его эмигрантское «я» в пору пребывания в Англии, и определяющее его взрослое «я»;
- тема промежуточной постколониальной идентичности, равно болезненно самоопределяющейся по отношению к родной африканерской и к английской/европейской культуре;
- тема формирования художника и становления писателя, избавляющегося от романтических представлений о величии и власти литературы, о личности творца.

6. Формы интертекстуальности в трилогии усложняются от «Детства» к «Летней поре», что соответствует тенденции усиления литературно-рефлексивного начала в позднем романном творчестве Кутзее.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использовать его результаты в курсе «Новейшей зарубежной литературы», а также при чтении спецкурсов и в работе спецсеминаров по постколониальной литературе и теории автобиографической прозы.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры зарубежной литературы и журналистики Института филологии и журналистики СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Основные положения диссертационного исследования были представлены в виде докладов на следующих конференциях: на Международной конференции XXII Пуришевские чтения. Москва, МПГУ, апрель 2010; Всероссийской конференции молодых ученых «Филология и журналистика в начале XXI века». Саратов, СГУ, апрель 2010, 2011; XX Международной научной конференции Российской ассоциации преподавателей английского языка и литературы «Литературная провинция». Екатеринбург, Уральский государственный университет, сентябрь 2010. Тема диссертации отражена в 8 научных публикациях, три из которых размещены в изданиях, входящих в список рекомендованных ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка. В основу композиции положен принцип последовательного рассмотрения произведений по отдельности, по хронологии их выхода в свет. Помимо очевидного условия, переходящего образа

автобиографического героя, целостность трилогии обеспечивается сквозной проблематикой (психология творческой личности, порожденные ранним опытом проблемы в личной коммуникации, авторская рефлексия над проблемами автобиографического письма). Каждая глава направлена на выявление специфики жанрового синтеза в конкретном произведении и композиционно строится вокруг тех идейно-эстетических проблем, что наиболее значимы для рассматриваемого произведения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** систематизируются критические подходы к изучению творчества Дж.М. Кутзее, выработанные на Западе, вводятся основные положения теории автобиографии, релевантные для предпринимаемого исследования; обосновывается актуальность избранной темы и научная новизна, определяются цель и задачи исследования, методы и материал исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава ««Детство» как деконструкция традиционной автобиографии» посвящена анализу первой части автобиографической трилогии «Детство» (1997).

Глава начинается с рассмотрения теоретических высказываний Дж.М. Кутзее о жанре автобиографии. Значительную часть жизни бывший профессор литературы, знакомый с современными критическими теориями о гибридности жанров, о невозможности «чистых» жанровых образцов, он смещает акцент с проблемы жанра на проблему правды/истины как таковой в литературе. Дж.М. Кутзее полагает, что абсолютное саморазоблачение, абсолютная откровенность писателя убивает его искусство, и потому отказывается следовать в своем автобиографическом проекте строгой дисциплине фактов. Он формулирует авторскую интенцию, стоящую за трилогией, как попытку сообщить «не историю себя, но историю о себе, историю, которая не будет истиной, но будет иметь истинную ценность, ... вымысел, заключающий в себе правду»⁴. Такая концепция отношений между литературой и действительностью ставит автобиографическую прозу Дж.М. Кутзее в промежуточную сферу между автобиографией и романом. Применяя к жанру

⁴ Coetzee, J.M. A Fiction of the Truth// Sydney Morning Herald. 1999. November 27. P. 12.

автобиографии весь накопленный им опыт эксперимента в жанре романа, Дж.М. Кутзее пересматривает границы и возможности автобиографии, играет с ее существующими конвенциями, сосредотачиваясь на возможности передачи в слове «я» субъекта во всей полноте.

В первом параграфе «**Романные повествовательные техники**» исследуются отклонения от норм традиционной автобиографии и использование в тексте «Детства» романских повествовательных техник. По сравнению с классическими автобиографиями детского возраста, книгу Дж.М. Кутзее отличают фрагментарность, отсутствие повествовательной целостности и полноты. Многочисленные отступления «Детства» от жанровых конвенций подталкивают в сторону восприятия произведения как романа на автобиографическом материале.

Первое нарушение состоит в отказе Дж.М. Кутзее соблюдать так называемый «автобиографический пакт» (Ф. Лежён). Это условие «эксплицитного или имплицитного соглашения, предложенного *автором читателю*, соглашения, определяющего способ прочтения текста»⁵, лежащее в основе жанра автобиографии. Писатель нарушает основополагающий баланс критериев а) авторской интенции и читательского восприятия; б) фактической достоверности, удельного веса автобиографического героя в повествовании. Декларируя автобиографическое намерение в подзаголовке «Воспоминания», Дж.М. Кутзее получает некоторый запас читательского доверия, однако отсутствие прочих стандартных маркеров «автобиографического пакта» (повествования от первого лица, ретроспективного характера повествования) сигнализирует об его отсутствии в произведении, направляет читателя в сторону истинного авторского замысла – выразить психологическую и биографическую правду в вымысле.

Нарушение второй жанровой конвенции автобиографии – совпадения в одном лице автора, повествователя и героя – объясняется не только опытом Кутзее-романиста, но и принципиальной психологической закрытостью писателя. В «Детстве» повествование от третьего лица создает барьер между автором и протагонистом; писатель смотрит на свое детское «я» с «научной беспристрастностью энтомолога, описывающего образец, который он держит пинцетом под

⁵ Lejeune, Ph. *On Autobiography* // Ed. by Paul John Eakin. Transl. by Katherine Leary. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989. P. 29.

микроскопом»⁶. Конструирование автобиографического «я» через местоимение «он» позволяет подчеркнуть разрыв между автором и протагонистом, демонстрирует их разницу, равно как создает ощущение оторванности прошлого от настоящего, вследствие чего повествование воспринимается «как комментарий к «я»-говорящему и «я»-переживающему, как нежелание их отождествлять, а не как отказ от автобиографического проекта»⁷.

С другой стороны, активное использование несобственно-прямой речи позволяет сузить дистанцию между автором и героем, непосредственно передать сознание автобиографического субъекта, его сокровенные мысли и чувства. Несмотря на то, что все события показаны сквозь призму сознания протагониста, используемый язык, обобщения, мысли и размышления определенно принадлежат не мальчику-подростку, но зрелому человеку. Используя прием авторского всеведения, Дж.М.Кутзее получает возможность тоньше анализировать и строже судить своего протагониста, сохраняя при этом всю интенсивность детских переживаний. Кроме того, в языке фиксируется внешний лингвистический и социально-политический контекст, определяющий формирование ребенка в ранне-подростковый период жизни. Возникает внутренний дискурс автобиографического субъекта, в котором язык субъекта включает в себя собственно авторский язык.

В-третьих, в традиционной автобиографии повествование идет в прошедшем времени; форма повествования в настоящем времени в «Детстве» создает впечатление сиюминутности и интимности восприятия, дает возможность проникнуть во внутренний мир ребенка, увидеть его личные переживания в момент их проявления.

Свойственные прежде всего роману, все выделенные повествовательные техники: несобственно-прямая речь, перемежающаяся с прямой речью и диалогами, повествовательная перспектива от третьего лица, единый временной план настоящего – приводят к эффекту дефамилиризации жанра автобиографии. Становится возможным создание впечатления непосредственного проникновения в сознание автобиографического субъекта при максимальной дистанцированности и

⁶ Collingwood-Whittick, Sh. *Autobiography as *autrebiography*: the Fictionalisation of the Self in J.M Coetzee's "Boyhood: Scenes from Provincial Life"* // *Commonwealth Essays and Studies: Melanges*. 2001. № 24. P. 21.

⁷ Cichon, A. "Boyhood. Scenes from Provincial Life" and "Youth" – J.M. Coetzee's *Autobiographies* // *A Universe of (Hi)stories. Essays on J.M. Coetzee* / Ed. Liliana Sikorska. Frankfurt am Main, New York: Peter Lang, 2006. P. 63.

эмоциональной бесстрастности автора. Жанровая синтетичность «Детства» (гибрид романа и автобиографии), полный арсенал повествовательных приемов романа становятся отправной точкой для экспериментирования со способами воплощения автобиографизма в последующих частях трилогии.

Во втором параграфе **«Традиционное автобиографическое содержание в «Детстве». Изображение антиномий/конфликтов как среды для становления творческой ментальности»** автобиографическая природа текста вскрывается в анализе истории формирования души в неразрывной связи с семейными и социально-историческими обстоятельствами, с духом времени. В «Детстве» это подробно изображенный процесс первых стадий социализации личности в семье, школе и южноафриканском обществе периода сложения системы апартеида. «Детство» с безжалостной прямоотой и иронией описывает внутренние сомнения и страдания ребенка, глубокую двойственность переживаний, пронизывающих детство мальчика среднего класса, остро осознающего присутствие постоянно действующих внешних сил, которые прямо или косвенно влияют на его развитие и формирование. Вместо светлой картины ребенка, доверчиво входящего в мир, Дж.М. Кутзее создает мрачный образ мальчика, чья жизнь в мире жестокости и насилия едва переносима; пора детства предстает как испытание жизненной стойкости маленького героя. Доминирующее чувство социальной изоляции и отчуждения, неотступные страхи и внутренний гнев, которые испытывает маленький Джон, имеют истоком, во-первых, его собственную культурную и лингвистическую двойственность (внутренний конфликт африканерской и английской культуры и языка); во-вторых, конфликты внешние, жестокие политические, этнические и религиозные разногласия в южноафриканском обществе. Каждая из этих сфер изображается в двойной перспективе, с точки зрения Джона-мальчика и с точки зрения взрослого автора, и прослеживается значение обретаемого в них опыта для становления внутренне конфликтной, с детства травмированной, и в то же время потенциально творчески богатой идентичности юного интеллектуала. Неоднозначное положение семьи в южноафриканском социуме, противоречивый характер отношений с родителями, гибридная национальная идентичность героя, языковой дуализм – все это стоит у истоков зрелой личности и творчества Дж.М. Кутзее, которого отличают жесткий

индивидуализм, бескомпромиссная честность с самим собой, вулкан негативных эмоций, которые сдерживает в рамках «нормы» его холодный рационализм.

Третий параграф **«Чтение и письмо в «Детстве»: формирование будущего писателя»** намечает в тексте «Детства» черты писательской автобиографии. Автор показывает, как в попытках понять окружающую действительность в Джоне постепенно пробуждается критическое мышление: он ставит под сомнение мир, в котором живет, господствующие в нем устои, его политические, социальные, моральные принципы. Хотя на данном этапе Джону неведомо его предназначение, текст насыщен многочисленными намеками на писательское будущее протагониста. Через традиционные темы письма и чтения в «Детстве» намечаются черты писательской автобиографии. Писательство изначально воспринимается Джоном как ответственность и обязанность по сохранению от забвения памяти о происходящем. Эта исходная моральная установка в отношении к писательству предваряет следующую книгу трилогии, где развивается тема становления художника: на смену предпосылкам творческой ментальности в «Детстве» в «Юности» приходит осознание своего стремления стать писателем.

Таким образом, эксперимент Дж.М. Кутзее в «Детстве» можно в целом охарактеризовать как расширение и углубление компонентов автобиографического содержания, обычного для автобиографий, рисующих детско-подростковый возраст, и помещение этого содержания в романную повествовательную форму. Эта форма привычна и удобна автору в силу его психологических особенностей; она же позволяет провести четкую грань между автором произведения и его строго судимым героем. Аналитичный психологизм, с которым автор создает образ протагониста, основан на совмещении точек зрения, свойственных детскому сознанию и тех, что доступны лишь взрослому автору. Вдобавок к анализу процесса сложения базовых свойств и противоречий личности героя, Джона Кутзее, – с полным пониманием того, что читатель неизбежно проецирует образ Джона на личность биографического автора, Дж.М. Кутзее, – автор тонко разрабатывает в книге тему становления будущего художника слова. Значение этой темы будет нарастать в последующих частях трилогии.

Во второй главе «Жанровый синтез в «Юности»» анализируется вторая книга автобиографической трилогии Дж.М. Кутзее «Юность» (2002).

Во второй части трилогии изображена жизнь Джона Кутзее в возрасте от 19 до 24 лет, время его расставания с родиной и переезда в Лондон, попытки ассимилироваться в Англии, возникновение осознанного желания стать писателем и принятие решения покинуть Англию. «Юность», таким образом, строится вокруг двух центральных тем: 1) опыта жизни постколониального субъекта в доминионе, основной темы «постколониальных» автобиографий; 2) темы становления творческих устремлений молодого человека, характерной еще для романтического романа о художнике (Künstlerroman), а в XX веке – для множества писательских автобиографий и автобиографических романов, среди которых для англоязычной литературы наиболее значимым произведением является «Портрет художника в юности» (“A Portrait of the Artist as a Young Man”, написан в 1907-1914, опубликован отдельной книгой в 1916) Джеймса Джойса.

Формально «Юность» (2002), опубликованная в США с подзаголовком «Сцены провинциальной жизни II», является продолжением «Детства». Пропущены годы окончания школы, поступления в университет; герой сразу переходит из ранне-подростковой стадии «Детства» на стадию позднего юношества со всеми переменами, определенными возрастной психологией. Писатель использует ту же повествовательную романную форму, что и в первой книге трилогии: хронологическое развитие сюжета, повествовательная перспектива от третьего лица, настоящее время, активное использование несобственно-прямой речи, отсутствие единства автора-повествователя-героя. Но по сравнению с «Детством» дистанция между героем и автором увеличивается.

Это происходит прежде всего потому, что невозможно отождествить героя с фактическим автором из-за глубокого противоречия между статусом Дж.М. Кутзее на момент публикации книги и нелицеприятным автопортретом, данным в тексте. Уже самое общее сопоставление содержания «Юности» с биографией писателя раскрывает склонность автора к самоцензуре и негативному изображению своего героя. Кроме того, если в первой книге трилогии, при всей общей достоверности картины жизни в ЮАС после Второй мировой войны, многие излагаемые автором факты семейной и внутренней жизни героя невозможно верифицировать в силу отсутствия достоверной биографической информации, то вторая книга изначально заявлена издателями как литература художественного вымысла (“fiction”). По словам Гермiony Ли, «если это

автобиография, то такая, которая старательно разрушает то соглашение между писателем и читателем, которое лежит в основе жанра, а именно – что это «подлинная», «правдивая история». Это автобиография, написанная «с ложными намерениями»; она не собирается представлять «правду» об автобиографическом «я», потому что не знает, в чем она заключается»⁸. В основе «Юности» лежит постмодернистская идея непостижимости «я» и истины вообще. Скептицизм Дж.М. Кутзее относительно правдивости саморепрезентации автобиографического субъекта в тексте, очевидный в эссе писателя о художественной исповеди Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, объясняет его убежденность в неизбежности мифологизации собственного «я». «Юность» – очередной шаг Дж.М. Кутзее на пути пересмотра потенциала автобиографического жанра.

Дж.М. Кутзее вновь, как в «Детстве», использует редчайшую для автобиографии форму изложения от третьего лица, опираясь в этом на «Воспитание Генри Адамса» (1907) Г. Адамса. Эффект этой формы – дефамилизация, остранение жанра автобиографии. Но анализ «Детства» и «Юности» в их целостности не позволяет, несмотря на полный набор формальных признаков романа, отнести их к жанру автобиографического романа, поскольку авторская автобиографическая интенция ориентирована на высказывание высшей духовной правды о себе, и, значит, допуская вымысел, делает его орудием правды. К тому же в содержании первых двух частей четко прослеживаются идейно-тематические блоки, характерные для жанра автобиографии. Кутзее расширяет территорию автобиографии: от книги к книге возрастает степень нарушения ее запретов, конвенций, традиций. По сравнению с «Детством», в «Юности» нарастает и мера интертекстуальности.

Литературные аллюзии в «Юности» проливают свет на своеобразие жанрового синтеза в романе. Аллюзии на Гете и «Портрет художника в юности» Дж. Джойса работают на актуализацию восприятия «Юности» как «портрета художника», писательской автобиографии с сильным элементом вымысла. Одновременно аллюзии на «Юность» (1857) Л.Н. Толстого и «Юность» (1898) Джозефа Конрада указывают на «реалистический», автобиографический пласт произведения, на изображение «страны героя», и на авторское отношение к нему. Этот последний, укорененный в социально-исторической действительности, пласт произведения дает основания

⁸ Lee, H. Body Parts: Essays on Life-Writing. London: Chatto & Windus, 2005. P. 168.

интерпретировать «Юность» Дж.М. Кутзее как образец постколониальной автобиографии.

Первый параграф **«Постколониальный субъект-художник в столице доминиона»** посвящен экспериментам Дж.М. Кутзее с жанром «постколониальной» автобиографии. В попытке отречься от своего прошлого «я» и от всего, что определяет его как южноафриканца, а также в поисках своего внутреннего творческого потенциала, Джон эмигрирует в Лондон, вдохновленный почерпнутыми из литературы представлениями о культуре европейских столиц. Рассказанная в «Юности» история о том, как постколониальный субъект приспособляется и выживает в столице доминиона, в меру своих представлений о писательстве подготавливая себя к тому, чтобы настроиться на творческую волну, не имеет ничего общего с традицией изображения юности как беззаботной, весенней поры первого цветения личности. Дж.М. Кутзее переосмысляет оптимистические концепции юности и обнажает ее экзистенциальный ужас.

В восприятии героем Лондона доминирует ощущение моральной потерянности, чувство обезличенности. Джон сам обрекает себя на пораженчество и одиночество; его политическая, национальная, сексуальная идентичность по сравнению с «Детством» все больше утрачивает естественность. Герой принимает волевое решение принести в жертву всю систему человеческих взаимосвязей ради соответствия сконструированному на основе чтения художественной литературы стереотипу писателя-творца. Тема устремленности к творчеству, литературная рефлексия перемежается в «Юности» с натуралистическим изображением повседневной жизни протагониста, что снимает с литературного творчества романтический ореол. Из художественной литературы герой почерпнул идею о том, что в богемной Европе талант художника, писателя раскрывается под воздействием сексуального/любовного влечения, которое высвобождает и стимулирует одаренность личности. Ирония автора над подобным представлением о пути в искусство, над наивным романтизмом автобиографического субъекта очевидна. Замкнутый и склонный к одиночеству, Джон воображает идеальный союз с женщиной, способной удовлетворить его желание творческой целостности и полноты бытия. В действительности же он проходит через серию лишенных чувства и страсти отношений, в которые вступает по различным причинам (ради опыта, от скуки, по

мимолетному влечению), но только не в поисках духовного обогащения и совершенствования. Протагонист вынужден признать в конце произведения тщетность внешней имитации «жизни поэта» – процесс самопознания и обретения независимости, раскрытия родников творчества не может осуществляться через уподобление своего поведения жизни других художников. Книга никоим образом не предваряет возможности будущих успехов Джона на литературном поприще. Дж.М. Кутзее, как всегда, предпочитает изображать поражение, позор, бесчестье, гибель. Психологический опыт неудачи обусловлен как статусом протагониста в качестве колониального субъекта в метрополии, так и личностными особенностями героя.

Черты постколониальной автобиографии в «Юности» определяются исходной сюжетной ситуацией, точкой зрения на изображаемую социально-политическую действительность, и, главное, глубиной изображения социально-психологических барьеров в жизни человека, оборвавшего связи с родной культурной средой колонии и пытающегося начать жизнь заново в столице доминиона. Автор показывает, как эта попытка, травматичная по своему существу, в случае с полуфикциональным Джоном Кутзее оборачивается для него болезненным осознанием невозможности полной смены национальной идентичности. Примирение со своей гибридной идентичностью, вечной маргинальностью, или, по крайней мере, умение существовать с сознанием этого факта, придет к протагонисту только в завершающем романе трилогии.

Во втором параграфе **««Юность» как писательская автобиография»** исследуются особенности «Юности» как собственно писательской автобиографии. С жанром писательской автобиографии «Юность» связывает проблематика становления писателя, которая находит прямое выражение в литературно-критических оценках и размышлениях протагониста, в авторской полемике с романтической концепцией художника, в изображении ключевых моментов пробуждения его творческих способностей.

Элементы этих двух жанровых разновидностей автобиографии, постколониальной и писательской, Дж.М. Кутзее синтезирует в «Юности» в повествовательной форме романа.

Внутренняя логика экспериментов Дж.М. Кутзее с автобиографическим письмом, прежде всего нарастание дистанции между автором и автобиографическим субъектом, ведет писателя от деконструкции жанра в «Детстве» к синтезу жанровых

разновидностей автобиографии в «Юности» и далее, к выходу за пределы романа-автобиографии в «Летней поре», где автор обращается к форме биографии как к инструменту еще более объективного (само)постижения.

В третьей главе ««Летняя пора»: между автобиографией и биографией» характеризуется жанровый эксперимент, предпринятый в завершающей книге трилогии.

Первый параграф ««Летняя пора» и проблемы теории биографии» сосредотачивается на том, как текст рефлексировал над собственной жанровой природой.

В «Летней поре. Сценах провинциальной жизни» (2009), заявленной как биография Джона Кутзее, Дж.М. Кутзее продолжает тему становления писателя, сосредотачиваясь на жизни Джона Кутзее в 1970-е годы (1972-1977). В альтернативной художественной реальности трилогии Джон Кутзее планирует написать продолжение «Детства» и «Юности», но эти планы мешают его смерть вскоре после получения Нобелевской премии; замысел книги решает воплотить молодой амбициозный биограф мистер Винсент. Повествование обрамляют «дневниковые записи» Джона Кутзее от 1972-1977 гг., данные в уже в привычной форме повествования от третьего лица настоящего времени, что формально связывает «Летнюю пору» с предыдущими книгами трилогии. Однако основной объем книги составляют интервью с пятью героями, имевшими в 1970-е гг. близкие отношения с протагонистом; образ Джона дается через восприятие его возлюбленных и коллег. В отличие от предшествующих книг трилогии, герой почти не показан как художник, хотя мировая слава впервые пришла к Дж.М.Кутзее именно в эти годы. Процесс литературного творчества не становится непосредственным предметом изображения; писательская карьера вообще не раскрывается последовательно, а только упоминается в «Летней поре» как внетекстовая реальность: «Летняя пора» содержит автоаллюзии как к первым романам Дж.М. Кутзее, так и к предыдущим книгам автобиографической трилогии.

Джон Кутзее в этом произведении впервые в трилогии перестает быть центром художественного мира, что противоречит основополагающей конвенции (авто)биографического жанра. В интервью с Винсентом столь же ярко, как Джон, перед читателем предстают четыре женщины, некогда ему близкие, и его друг и

коллега по Кейптаунскому университету. Неожиданно поворачивается, по сравнению с «Детством», отсутствующий в «Юности», а здесь приобретающий особую важность образ отца героя. В целом уменьшается удельный вес образа Джона в повествовании. Поэтому дающий энергетику «Летней поре» конфликт можно назвать конфликтом между сутью произведения (так или иначе, читателю заявлена третья часть автобиографической трилогии) и его формой (биография в изложении свидетелей). Жанр биографии необходим Дж.М. Кутзее, чтобы оправдать предельную объективацию образа Джона, влекущую за собой необходимость жанрового сдвига. Именно жанр биографии, как правило, имеющий своим объектом завершившуюся жизнь, считается жанром, которому, в отличие от субъективной автобиографии, доступна объективная оценка личности.

На страницах произведения Дж.М. Кутзее препарирован сам процесс биографического письма, поднимая вопросы, традиционно возникающие при написании литературной (писательской) биографии: проблемы селективности и объективности, соотношение документальности и художественности, проблема отношений автора и объекта биографического описания.

Подчеркнутая в тексте профессиональная некомпетентность биографа мистера Винсента, его сомнительные методы отбора материала и интервьюирования, отказ полагаться на первоисточники, предвзятое отношение героев к (авто)биографическому субъекту, сама скороспелость, «сырой» характер создаваемой Винсентом биографии – все это ставит под сомнение достоверность информации и надежность повествования, которых читатель привык ожидать от документальных в своей основе жанров автобиографии и тем более биографии.

Во втором параграфе **«Портрет человека и художника»** раскрывается портрет Джона Кутзее, художника и человека, сконструированный методом коллажа чужих историй.

Писательская деятельность представляет для героя первоочередное значение в этот период жизни, логично продолжающий предыдущую стадию поисков творческого потенциала в «Юности». Однако интервьюируемые герои полностью игнорируют эту сторону жизни протагониста, что превращает «Летнюю пору» в исследование Кутзее-человека, любовника, друга, коллеги, сына, кузена, опускающее его писательские достижения.

«Летняя пора» – безусловно автобиографическая книга Дж.М. Кутзее, однако автобиографизм ее далеко отходит от канонов автобиографического жанра. Он заключается в том, что это прежде всего книга идей, в которой писатель продолжает глубоко личный диалог со своими многочисленными alter ego, придерживаясь лишь самой общей канвы собственной жизни. В «Летней поре» Джон Кутзее перерастает рамки постколониального субъекта, стадии формирования которого изображались в первых двух книгах трилогии, и становится «гражданином мира», свободно признающим свою неразрывную связь с собственными корнями. От традиции писательской автобиографии, даже по сравнению с предыдущей книгой трилогии, «Летнюю пору» отличает сокращение творческой проблематики, изменение концепции творческой личности.

С романтическими взглядами на искусство и творчество автор трилогии распрощался еще в «Юности», высмеяв там книжные представления Джона о законах частной и творческой жизни «художника». Герой «Летней поры» подчеркнуто лишен любых потуг на величие как в личной, так и в творческой сфере, его творческий акт находится вне пределов изображаемого в книге. Все эти знаки освобождения автора от занимавших его ранее проблем, знаки произошедших перемен в его самооценке, и приводят к самому существенному отступлению от автобиографических конвенций: к перераспределению авторского внимания, которое более не сосредоточено исключительно на главном герое, но распределено между всеми семью персонажами книги. Непосредственно в повествовательном пространстве герой присутствует только в дневниковой рамке книги, а в остальном он превращается в своего рода нить, на которую нанизываются равно значимые истории других жизней. Таким образом, автор как бы растворяет его в человечестве, гуманизирует своего героя, прощает ему его ограничения и несовершенства, то есть впервые вступает на путь примирения с самим собой. Лишив произведение традиционного автобиографического повествователя, автор дает возможность персонажам говорить за самих себя и за (авто)биографического субъекта, что позволяет читателю пересмотреть содержание первых двух книг и увидеть границу того, насколько далеко может зайти автор в создании художественной версии собственной жизни.

В стремлении к честному самопостижению автор прибегает к предельно объективной форме (авто)биографического письма – к жанру биографии, сплавляя

воедино разные повествовательные формы, имитирующие документальные жанры (записи устных интервью, письма, дневник, записная книжка). Жанровая рефлексия, пронизывающая текст «Летней поры», предостерегает читателя от излишне доверчивого отношения к повествователям. С образом амбициозного, но некомпетентного биографа, мистера Винсента, связаны авторские размышления об условиях и границах жанра биографии. Облечение автобиографического по существу материала в форму подготовительных, черновых материалов к биографии становится самым радикальным экспериментом Дж.М. Кутзее с формами автобиографического письма из всех, предпринятых в автобиографической трилогии. Однако, приоткрыв занавес над своей жизнью, писатель решительно закрывается от любых попыток доискаться правды о нем. Структура романа-биографии и художественный вымысел верно служат Дж.М. Кутзее в его поисках эстетической правды.

В Заключении подводятся итоги исследования.

Написанная с 1997 по 2009 гг., автобиографическая трилогия может рассматриваться как «подведение итогов», прежде всего личностного плана, поскольку в трилогии создается образ Джона Кутзее, предназначенный для потомков.

Практика автобиографического письма Кутзее была во многом предвосхищена в его историко-литературных, теоретических статьях и интервью, начиная с 1980-х гг.; произведения трилогии содержат многочисленные дословные переключки с ними, развернутые иллюстрации высказанных ранее положений. Авторские стратегии в трилогии подчинены не раскрытию конкретных обстоятельств жизни писателя, а исследованию (и конструированию в процессе этого исследования) высшей художественной правды о своей личности, созданию его «заявки на бессмертие».

Сквозными характеристиками, определяющими образ Джона Кутзее в автобиографической трилогии, становятся его повышенный интеллектуализм, накладывающий отпечаток на все, затрудняющий человеческие контакты; гибридная языковая и национальная идентичность (африканер/англичанин), о которой повествуется с позиций космополита, гражданина мира. Равно чужой везде, с наблюдательностью и интеллектом, со страстью к литературе, Джон Кутзее не может примириться с южноафриканской действительностью, так же сложно ему ассимилироваться в Англии.

Соотношение протагониста автобиографической трилогии Джона с автором, Дж.М. Кутзее, носит усложненный характер: совпадение имени, даты рождения, национальной принадлежности, семейных корней, образования, профессиональной и литературной карьеры сочетается со значительными пробелами и искажениями в изображении его семейной и академической жизни. К концу трилогии доля художественного вымысла возрастает и приводит к предельному дистанцированию автора от героя, что отодвигает на второй план проблему соотношения истинного и вымышленного в автобиографической прозе Дж.М. Кутзее и выдвигает в качестве основополагающей проблему художественной правды. Интерес писателя к тому, как слово, язык, литературный дискурс конструируют «высшую правду» о субъекте, полностью соответствует тенденциям в теории и практике сегодняшней автобиографии.

В процессе реализации автобиографической интенции Дж.М. Кутзее усложняет эксперимент с формами автобиографического письма, и каждая часть трилогии отражает определенный этап эксперимента.

Сама форма трилогии утверждает идею динамичной личностной идентичности как неразрешимой проблемы. Безжалостное препарирование образа протагониста в его самых интимных проявлениях, с одной стороны, соответствует исходному импульсу жанра автобиографии – установке на обращенную к миру исповедь, а с другой, вступает в противоречие со свойством традиционной автобиографии давать психологическое оправдание поступкам ее автора. Автобиография конца XX в., периода тотального обезличивания и торжества массовой культуры, в случае с Дж.М. Кутзее балансирует между стремлением изобразить героя таким же, как все, обычным человеком, и свойством жанра утверждать уникальную ценность личности.

Трилогия Дж.М. Кутзее занимает неоднозначную позицию и по отношению к традиции писательской автобиографии. Традиционный комплекс мотивов, связанный со становлением и развитием творческой личности, оценка собственного творчества здесь менее важны, чем психологический портрет протагониста в его частной жизни. Трилогия представляет собой яркий пример деромантизации образа писателя в современной литературе. Однако мера рефлексии над языком, непосредственное изображение разного рода конфликтов, порождающих творческую энергию (первые две книги), рефлексия над литературой вообще и собственными произведениями

(«Юность», «Летняя пора»), сама работа со словом в автобиографической трилогии имплицитно утверждают ценность литературы как способа максимального самовыражения личности в слове.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК Минобрнауки РФ

1. Автобиографизм в "Нечего бояться" Джулиана Барнса // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Филология. Журналистика. 2010. Т. 10. Вып. 1. С. 57 – 61.
2. Дж.М. Кутзее, южноафриканец: автобиография «Детство» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Филология. Журналистика. 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 93 – 98.
3. «Летняя пора» Дж.М.Кутзее и проблемы писательской автобиографии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 4 (24). С. 192–197.

Статьи и тезисы в сборниках материалов региональных, всероссийских и международных конференций

4. Форма исповеди в произведении Томаса Де Квинси «Исповедь англичанина, употребляющего опиум» // Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 11. Ч. I–II. С. 30-33.
5. «Нечего бояться» Джулиана Барнса: автобиографическое начало // XXII Пуришевские чтения: История идей в жанровой истории / Отв. ред. Е.Н. Черноземова. МПГУ, 2010. С. 262-263.
6. «Детство» в автобиографии Дж. М. Кутзее «Детство» // Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. Вып. 14. Ч. I–III. С. 135-139.
7. Холод мегаполиса: лондонский опыт на страницах «Молодости» Кутзее // Образ провинции в русской и английской литературе: материалы XX международной конференции Российской ассоциации преподавателей английской литературы «Литературная провинция». Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011. С. 141-145.

8. Игра в автобиографию: «Летняя пора» Дж.М. Кутзее // Современная англоязычная литература: проблемы стиля и жанра: материалы XXI международной научной конференции (20-22 сентября 2011г.). Смоленск: СмолГУ, 2012. С. 257-258.